

— В картину заведен просто-таки фантастический звездный состав.

— Действительно, весь этот проект был задуман в честь **Нонны Мордюковой**. Грубо говоря, сценарий писался под нее. Импульс для написания этой истории возник после того, как я с ней встретился на "Русском проекте", увидел ее силу, ее мощь, ее актерскую genialность.

И мне захотелось передать эту мощь в большом фильме. А с другой стороны, в поисках сюжета я не хотел отбрасывать и мое поколение. Поэтому сразу возникла идея семейной истории, и когда мы начали ее прорабатывать, всплыл наружу давний эпизод с семьей Овечкиных. Он-то и стал отправной точкой для написания совершенно оригинального сценария. Единственное, что взято оттуда, это семья, которая была музыкальной и которая угнала самолет. Помните: был такой фольклорный ансамбль "Семь Симеонов"? Мы никак не затрагиваем реальные судьбы героев, тем более что там чуть ли не половина членов семьи погибла во время угона.

Наш сюжет начинается с того, что мама (Нонна Мордюкова) выходит из тюрьмы и заново пытается собрать свою семью. Это действительно большая история, но теперь ее не мне уже оценивать. Мне ее делать.

— И когда вы планируете эту историю завершить?

— Вообще, фильм просто огромный в производстве. Могу вам сказать, что это четыре с половиной месяца съемок. Семь экспедиций. По всей России, по всему СНГ. Есть экспедиция в Ташкент. И есть экспедиция в Диксон на Таймыр. Вся группа с ужасом ждет этого путешествия.

Я сам жду этого с огромным нетерпением. Хочется другого кино. Больших актеров, больших экспедиций. Мне это очень нравится. После всей этой дыры в российском кинематографе и вынужденных камерных фильмов хочется простора, воздуха, какого-то другого ощущения. Очень хочется снять огромную страну, с разным климатом, разной географией, этнографией.

— А бюджет картины вы можете назвать?

— Точные цифры назвать не могу. На сегодняшний день это крупнобюджетная картина. Конечно, для Европы и для Америки это вообще необсуждаемо. Впрочем, сейчас уже и в России не поймешь, что называть крупнобюджетным кино. Вот **Никита Михалков** снял "Сибирского цирюльника". Если взять точку отсчета от Михалкова, то здесь вообще нет бюджета. (По разным данным, бюджет новой картины Михалкова с голливудской звездой **Джулией Ормонд** и **Олегом Меньшиковым** в главных ролях составляет от 30 до 40 миллионов долларов. — Прим. авт.)

— О Нонне Мордюковой вы рассказали, а кто будет остальными членами "семьи Овечкиных"?

— В картине играют замечательные люди, мои друзья, те, без которых я не мыслю сегодняшнее кино. **Володя Машков**, **Олег Меньшиков**, **Женя Миронов**, **Алексей Кравченко** и молодой актер-дебютант **Михаил Крылов**. Это пять ее сыновей. И есть один сын, который погиб. Его играет **Глеб Подгородинский**.

— Вы очень долго не снимали что-то серьезное.

— Вообще, все, что я пытаюсь снимать, я пытаюсь делать серьезно. Если говорить про игровое кино, то да. В 94-м году вышел мой фильм "Лимита". Но потом все мое время занял "Русский проект" на ОРТ. И его я делал более чем серьезно, я относился к нему практически как к игровому кино, несмотря на его метраж. Я действительно давно не снимал. Хотя "Русский проект", поверьте, потребовал очень больших затрат и сил, и всего остального.

— Кому будут принадлежать права на "Маму"?

— На равных началах это делает студия "Русский проект", которую представляю я и **Константин Эрнст**. С другой стороны, кинокомпания "НТВ-Профит" **Игоря Толстунова** при участии **Госкино**.

— Не знаю точно, кому принадлежит авторство фразы "Кризис среднего возраста", но сегодня она стала очень ходовой. Вы через это прошли?

— Все зависит от ситуации, от человека, от его сиюминутного состояния. Сейчас у меня — не кризис среднего возраста. Сейчас у меня — кризис вре-

мени. Начались съемки.

Для мужчины среднего возраста, а может быть, для всех возрастов, самое главное — это работа. Неработающий мужчина — это очень странная вещь, на мой взгляд. Здесь даже вопрос не в деньгах. Это вопрос энергии, которая должна через тебя проходить, куда-то выходить. Если этого нет, может быть любой кризис.

А в поколенческий кризис я вообще не верю. Тридцати-, сорокалетние. Они такие разные, что я бы их не систематизировал сегодня. Пусть их начнут систематизировать через двадцать пять лет, если они чего-то сделают. У нас есть особенность: все на полочки класть, ярлычки навешивать. Поколения 60-х, 70-х. Дали им какие-то определения. Забыли. Хотим дать сегодняшним. Не надо. Сейчас надо работать.

— Вы в свое время поработали кинооператором с такими известными режиссерами, как **Вадим Абдрашитов** и **Павел Лунгин**. Переход от кинооператорской к режиссерской деятель-

ности не был для вас болезненным?

— Я когда во ВГИК поступал, хотел пойти на режиссуру. Но у меня и у родителей хватало ума.

И я сознательно пошел на операторский, потому что оператор — это самая генеральная профессия в кино. Это именно профессия. Режиссер — он больше десятиборец. Он должен всего понемножку знать о всех профессиях. Главное, что он должен знать, куда он вообще все это ведет, — цель должен видеть и энергию иметь, чтобы до этой цели дойти.

А оператор — это профессия. С цифрами. Пять и шесть. Два и восемь. Фильтр. Желтый. Синий. Это конкретно. Профессия хороша тем, что у тебя в руках как бы куски железа, стекла, пластика, и из этих холодных вещей ты должен на экране сделать эмоциональное изображение.

Мне повезло. Я снимал достаточно много картин, я выучил язык кино и наметил себе полуироничную цифру. Тридцать лет. И так получилось, что как раз к моим тридцати годам в нашем кино случилось начало той ямы, которая закончилась, на мой взгляд, лишь в прошлом году. Сценариев не было, все режиссеры как бы легли на дно. Иностранцы предлагали мне снимать детективы за большие деньги. Но я понял, что, если я начну это делать, меня просто засосет. Чего не хотелось.

С другой стороны, у меня был товарищ, богатый человек **Сергей Можаров**. К несчастью, он погиб. И он постоянно меня теревил: "Ну вот, когда мы с тобой начнем снимать кино?". И только его подталкивание, его настойчивое требование дали мне импульс, и мы стали с **Петей Луциком** и **Лешей Саморядовым** писать сценарий "Лимиты". А потом все закрылось. Можаров дал деньги. Так вот, все три компонента для меня сошлись в один год. Судьба распорядилась очень удачно.

— А вы вообще серьезный человек или хотите им казаться?

— Когда меня серьезно спрашивают — я серьезен. В другой мизансцене — я несерьезен. Поставили бы вы вместо диктофона бутылку с огурцом, мы бы стали с вами анекдоты рассказывать.

— Костюм носите?

— Конечно, ношу. На мероприятия, куда нельзя прийти без костюма. Но это достаточно редко. Я вообще на тусовки стараюсь не ходить. Разве что на киношные. Просто как-то не получается. Простая причина. Лень. Я не чувствую, что я там что-то получу. Но все эти клубные

мероприятия, где ты встречаешься с товарищами-киношниками, полезны.

— А почему вы обручальное кольцо не носите?

— Не знаю, получилось как-то исторически. Ничего за этим не стоит. Просто не носим, ни я, ни жена. Мне как-то кольцо неорганично. Для меня мужчина с кольцом — это какая-то игра, в которую я не хочу играть. Люди думают, огромный лысый человек с кольцом — это значит, он как-то себя хочет украсить. А украшать в себе уже нечего. Я для себя выбрал другой путь — брать другим. Хотя в кольце, естественно, ничего плохого нет.

— Значит, вы по этой причине и часы не носите?

— Нет, часы люблю. Но постоянно забываю их надеть...

— Ну, а крестик на шее?

— Да, крестик. (Достаёт из-под свитера. Показывает.) Я же крещеный.

— Как у вас складывались взаимоотношения с отцом? Он имел влияние на вас?

— Взаимоотношения с отцом в последние годы стали намного лучше, намного теплее, искреннее. Это связано, естественно, и со мной: я вышел из такого возраста, когда комплексовал от его имени. Хотел, чтобы меня считали самим собой, а не сыном **Евгения Евстигнеева**. У меня все это кончилось, и у него как-то изменилась жизнь. Он стал мягче, сентиментальнее, спокойнее. Как-то все это сошлось, и мы провели последние три года в довольно близких отношениях.

— А что, раньше между вами происходили какие-то серьезные стычки?

— Да нет, у него была достаточно сложная жизнь. Мы общались довольно редко и формально. Раз в месяц. Мы же не жили вместе. Мне было три года, когда они развелись с мамой. Это были достаточно обычные взаимоотношения разведенных отца и сына.

— В свое время, кажется, журналисты придумали такое выражение "Четыре М". Разговор тогда шел о новых российских звездах: **Меньшиков**, **Миронов**, **Машков**, **Маковецкий**. Из четырех "М" в вашей картине играют трое. Вам достаточно того, что для вас они просто друзья?

— Я вижу свою задачу, чтобы все это закончилось если не с первого, то хотя бы с десятого кадра. Чтобы зрители забыли, кто "Н", кто "М", кто "Ж" и "П". Чтобы были образы, которые эти люди могут замечательно сделать. Это прекрасные артисты. Помимо того что они технически замечательно все делают, они еще выражают — по-разному — сегодняшнее время. В своем нерве, в своем ритме, в отношении. Мне это очень дорого.

Самое главное, у меня с ними существует отдельная жизнь вне съемок. Мы общаемся, с кем-то больше, с кем-то меньше. Для меня это люди, которые не просто выйдут на площадку, и мы начнем с ними чем-то заниматься. Это продолжение нашего общения в жизни. Я ведь за ними тоже подсматриваю. Вопрос ведь в том, чтобы не просто предложить им какую-то новую ситуацию, а в том, чтобы использовать их максимально. Их потенциал, физику, пластику. Я как бы уже с ними проживаю жизнь.

Я вижу **Володю Машкова** замечательным характерным артистом. Но время так распорядилось, что он больше в героических ролях занят. Поэтому я хочу в его героизм добавить чуть-чуть характерности. **Женя** и **Володя** снимались у меня в "Лимите". Да, я писал под них роли. На всех троих. В казино есть такое правило: когда на твою цифру попадает выигрыш, выигрышную фишку не снимать.

Что же касается **Олега**... **Олег** — достаточно обособленный человек. Я с ним не так много общался. Но ведь мы с ним вообще однополчане. Это к вопросу о наших давних отношениях. Служили в одном полку. Полк этот располагался недалеко отсюда.

— В Алабино? (В Алабино расположен знаменитый конный полк, где проходила воинскую службу многие отпрыски знаменитых киносемей. — Прим. авт.)

— Нет, еще ближе. В Театре Советской Армии. **Олег** там был полноценным актером, а я в массовке стоял с красным знаменем.

— Что вы посмотрели в последнее время из российского кино?

— Я видел фильм "Вор", просто страшно рад за своих друзей, что их номинировали на "Оскар", и надеюсь, что это произойдет. Мне очень понравилась эта история своей простотой. Я вообще считаю, что наше кино губило в свое время взятие невероятных планок и перепрыгивание их на месте. Точнее, недопрыгивание до них.

Вы заманиваете на вопросы о мире, о судьбе человека, но получаются из этого тягостные, скучные психологические фильмы. Мне кажется, современное кино — это история. Это кино, где зритель следит за историей другого человека, а что он там поймет — это дело зрителя. Пусть он ничего не поймет на самом деле. А что-то поймет. Вот такое кино я люблю. В этом смысле фильм "Вор" меня заразил своей простотой. Все, что не касается финала. Финал с Чечней мне не понравился.

Я видел "Страну глухих" своего друга **Валеры Тодоровского**, который меня порадовал замечательной режиссурой и актерскими работами **Чулпан Хаматовой** и **Дины Корзун**. Это достойное кино, очень хорошего уровня.

— А как вы относитесь ко всем экспериментам киностудии Горького с "малобюджетным кино"?

— Все это разбивается одним доводом: "Денег нету, поэтому это единственный шанс молодым режиссерам снять кино". Когда мне это говорят, я просто замолкаю. Мне не нравится, что безденежье возводится в некий принцип. Потому что кино по сути своей не малобюджетно. Кино — это аттракцион. Кино — это то, что должно удивить. Я не сплорю, что вы можете удивить гениальной душевной тончайшей ниткой, которая связывает двух людей в одной комнате и происходит нечто такое звенящее. Но в принципе это штучно. Такой фильм может быть один на десять лет. К примеру, "Мужчина и женщина", снятый на 16 миллиметров.

В кино зритель идет за каким-то чудом. Внешним, внутренним. Не важно. За какой-то игрой. Мы должны сделать так, чтобы он открыл глаза. Чтобы он начал чувствовать, как герой, чтобы он начал любить, несмотря на то, что любви в жизни у него нету, чтобы он начал плакать вдруг, невзирая на свою черствость и сухость.

На это все нужны деньги. Я уже не говорю про качество. Конечно, можно напечатать журнал в какой-нибудь подмосковной типографии. И он, наверное, будет продаваться, если в нем гениальное содержание. Но почему-то все журналы печатают в Финляндии. И читательский глаз уже к этим обложкам привык. Сегодняшний глаз привык к хорошо снятым клипам. Он привык к некоему изображению. Хорошему цвету рекламы. Хорошим красителям одежды. Поэтому кино должно показывать весь этот мир адекватно.

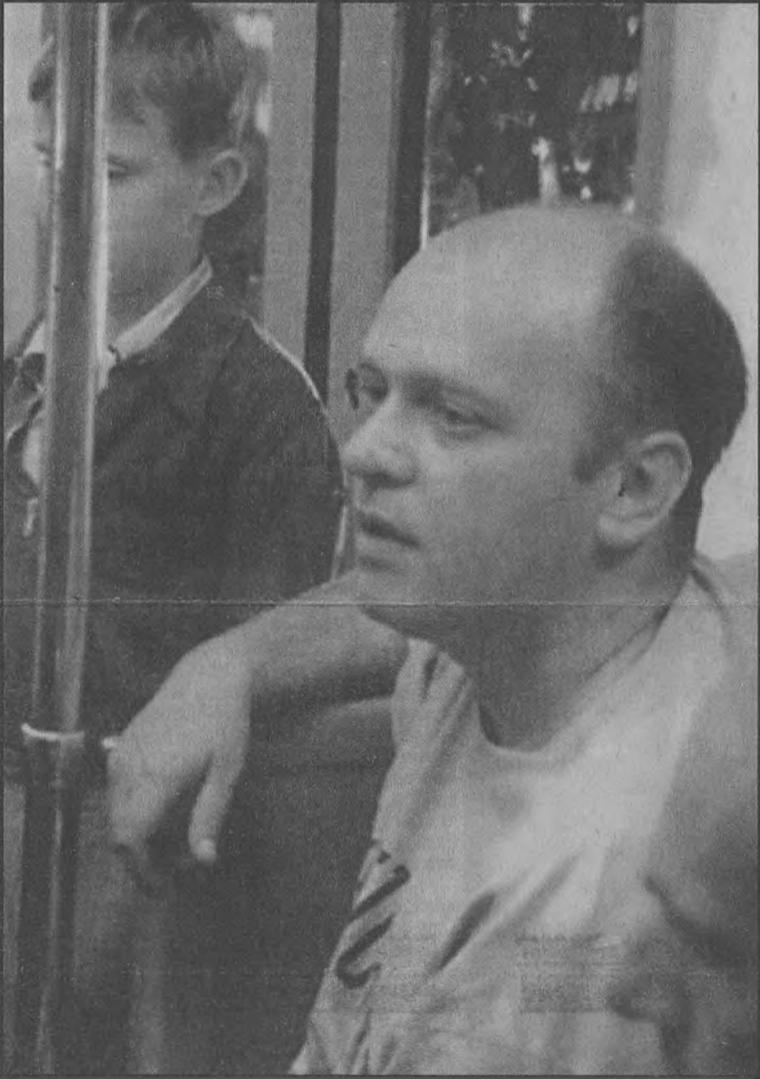
Как это сделать без денег, я как профессионал не знаю. От чего я должен отказаться? Я не представляю себе ситуацию в жизни, чтобы мне сказали: у тебя денег не хватит, не свети эту комнату двумя приборами, свети одним. Я лучше не буду снимать. Тут не может быть вопроса: деньги и художественное произведение. Значит, вообще не надо ничего делать, если нет уверенности, что ты не сделаешь качественную и достоверную для зрителя картинку.

Станислав КОМАРОВ.

КОМПЛЕКС СЫНА

СЕМЬ СИМЕОНОВ ДЕНИСА ЕВСТИГНЕЕВА

На этой неделе режиссер **Денис Евстигнеев** начал съемки картины "Мама". Фильм, который по многим показателям может стать настоящим культурным феноменом. Все совпало в этой картине. Молодой, но уже уважаемый режиссер, великолепные актеры, удивительная история, которую смело можно назвать современным эпосом, мощная финансовая и продюсерская поддержка. Перед началом работы над фильмом **Денис Евстигнеев** дал эксклюзивное интервью корреспонденту "МК".

ности не был для вас болезненным?

— Я когда во ВГИК поступал, хотел пойти на режиссуру. Но у меня и у родителей хватало ума.

И я сознательно пошел на операторский, потому что оператор — это самая генеральная профессия в кино. Это именно профессия. Режиссер — он больше десятиборец. Он должен всего понемножку знать о всех профессиях. Главное, что он должен знать, куда он вообще все это ведет, — цель должен видеть и энергию иметь, чтобы до этой цели дойти.

А оператор — это профессия. С цифрами. Пять и шесть. Два и восемь. Фильтр. Желтый. Синий. Это конкретно. Профессия хороша тем, что у тебя в руках как бы куски железа, стекла, пластика, и из этих холодных вещей ты должен на экране сделать эмоциональное изображение.

Мне повезло. Я снимал достаточно много картин, я выучил язык кино и наметил себе полуироничную цифру. Тридцать лет. И так получилось, что как раз к моим тридцати годам в нашем кино случилось начало той ямы, которая закончилась, на мой взгляд, лишь в прошлом году. Сценариев не было, все режиссеры как бы легли на дно. Иностранцы предлагали мне снимать детективы за большие деньги. Но я понял, что, если я начну это делать, меня просто засосет. Чего не хотелось.

С другой стороны, у меня был товарищ, богатый человек **Сергей Можаров**. К несчастью, он погиб. И он постоянно меня теревил: "Ну вот, когда мы с тобой начнем снимать кино?". И только его подталкивание, его настойчивое требование дали мне импульс, и мы стали с **Петей Луциком** и **Лешей Саморядовым** писать сценарий "Лимиты". А потом все закрылось. Можаров дал деньги. Так вот, все три компонента для меня сошлись в один год. Судьба распорядилась очень удачно.

— А вы вообще серьезный человек или хотите им казаться?

— Когда меня серьезно спрашивают — я серьезен. В другой мизансцене — я несерьезен. Поставили бы вы вместо диктофона бутылку с огурцом, мы бы стали с вами анекдоты рассказывать.

— Костюм носите?

— Конечно, ношу. На мероприятия, куда нельзя прийти без костюма. Но это достаточно редко. Я вообще на тусовки стараюсь не ходить. Разве что на киношные. Просто как-то не получается. Простая причина. Лень. Я не чувствую, что я там что-то получу. Но все эти клубные

мероприятия, где ты встречаешься с товарищами-киношниками, полезны.

— А почему вы обручальное кольцо не носите?

— Не знаю, получилось как-то исторически. Ничего за этим не стоит. Просто не носим, ни я, ни жена. Мне как-то кольцо неорганично. Для меня мужчина с кольцом — это какая-то игра, в которую я не хочу играть. Люди думают, огромный лысый человек с кольцом — это значит, он как-то себя хочет украсить. А украшать в себе уже нечего. Я для себя выбрал другой путь — брать другим. Хотя в кольце, естественно, ничего плохого нет.

— Значит, вы по этой причине и часы не носите?

— Нет, часы люблю. Но постоянно забываю их надеть...

— Ну, а крестик на шее?

— Да, крестик. (Достаёт из-под свитера. Показывает.) Я же крещеный.

— Как у вас складывались взаимоотношения с отцом? Он имел влияние на вас?

— Взаимоотношения с отцом в последние годы стали намного лучше, намного теплее, искреннее. Это связано, естественно, и со мной: я вышел из такого возраста, когда комплексовал от его имени. Хотел, чтобы меня считали самим собой, а не сыном **Евгения Евстигнеева**. У меня все это кончилось, и у него как-то изменилась жизнь. Он стал мягче, сентиментальнее, спокойнее. Как-то все это сошлось, и мы провели последние три года в довольно близких отношениях.

— А что, раньше между вами происходили какие-то серьезные стычки?

— Да нет, у него была достаточно сложная жизнь. Мы общались довольно редко и формально. Раз в месяц. Мы же не жили вместе. Мне было три года, когда они развелись с мамой. Это были достаточно обычные взаимоотношения разведенных отца и сына.

Моего имени не было. — 1998 — 14 марта. — С. 2.